

Péter Hajdú, *Samojedologische Schriften*, Szeged 1975
(*Studia Uralo-Altaica* VI). 145 стр.

Рецензируемый сборник работ крупного венгерского финно-угроведа академика Петера Хайду включает четыре большие статьи, посвященные морфологии и словообразованию в самодийских языках и ранее (в 1963—1975 гг.) опубликованные в виде журнальных статей на венгерском языке. При значительном разнообразии используемого материала и рассматриваемых вопросов статьи сборника объединяет единообразие подхода исследователя, который характеризуется параллельным освещением трех аспектов темы — описательного, сравнительно-исторического и ареально-типологического.

Такой авторский подход, равно как и широта в той же или иной степени затронутой проблематики, позволяют рецензенту не ограничиваться пересказом содержания сборника и кратким его комментированием, а поделиться некоторыми собственными соображениями (в частности, этимологического характера), возникшими при чтении работы П. Хайду, в некоторых случаях дополнив приводимые автором данные за счет еще не опубликованного материала, собранного в 1970—1976 гг. Селькупской и Таймырской лингвистическими экспедициями (далее: МЭ).¹

Сборник открывает статья «Der Lokativ und Ablativ im Sölkupischen sowie die samojedischen Entsprechungen des ungarischen Reflexivpronomens»², в которой рассмотрена этимологическая версия И. Н. Шебештьен о связи венг. *maga* 'себя, сам, Вы' и его финно-угорских соответствий (коми *miġ* 'стан, туловище', удм. *miġor* 'тело, туловище', мар. *moŋġar* 'тело') с сельк. (Кастрен) *magan*, *meagan* 'у, возле' и нен. *maŋktan* 'я сам'.³ Первое сопоставление, как справедливо указывает П. Хайду, неприемлемо ввиду того, что *magan* в записи М. А. Кастрена — то же слово, что и последний известный показатель локатива *miġin* в записях по тазовскому диалекту (Прокофьев, Лехтисало), в последнем же *-ġin* — аффикс локатива. Рассматривая систему локативных и аблативных форм в селькупском языке, П. Хайду отмечает такие ее особенности, как неразличение локатива и аблатива в ряде диалектов, отсутствие следов общесамодийского аблатива на *-*kata*, разграничение в тазовском диа-

лекте неодушевленного и одушевленного родов у существительных за счет различия показателей аблатива и локатива, а также множественного числа. В последнем случае автор следует описанию Г. Н. Прокофьева, согласно которому, например, *ükġ* 'шапка' имеет лок. *üköġit*, абл. *üköġini*, ном. мн. ч. *ükġl mi*, а *qorġi* 'медведь' — лок. *qorġinmiġit*, абл. *qorġinnâni*, ном. мн. ч. *qorġit*.⁴ По нашим данным, однако, речь здесь идет скорее не о грамматической оппозиции неодушевленного и одушевленного родов, а о семантическом противопоставлении отдельных показателей. В частности, возможна форма *ükġin miġit*, но в отличие от *üköġit* она означает не 'в шапке', а 'у шапки': *üköġit sūr-ijala ippa* 'в шапке лежит птенчик'; *ükġin miġit šitti tēmtilati* 'у шапки две тесемочки'. Послелог *nōni* в отличие от падежного показателя *-ġini* имеет значение 'от', а не 'из': ср. *mašōġini tūŋa* 'пришел из лесу'; *mačġn nōni kiġ tetti ukkiġ kilometra* 'от леса до реки один километр'. Формы множественности на *-t* и на *-l mi* образуются параллельно практически от всех существительных, причем они противопоставлены как расчлененная (*-t*) и нерасчлененная, собирательная множественность (*-l mi*): *pōt* 'деревья (определенное количество)' и *pōl mi* 'деревья, группа деревьев, лес'; *qumit* 'люди' и *qumil mi* 'люди, толпа людей'. Не-

¹ Экспедиции организованы отделением структурной и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета; научный руководитель — А. И. Кузнецова.

² Первая публикация: P. Hajdú, *A szelkup locativustól és ablativustól a magyar visszaható névmásig*. — *Néprajz és Nyelvtudomány* VII, Szeged 1963, стр. 5—18.

³ I. N-Sebestyén, *Két jurákszamojéd visszaható névmás*. — *NyK* 64 1962, стр. 341—346.

⁴ Г. Н. Прокофьев, *Селькупская грамматика*, Ленинград 1935, стр. 36. Принятая в книге система обозначений заменена на ФУТ, а также несколько упрощена.

точность описания Г. Н. Прокофьевым этого фрагмента селькупской грамматики объясняется, вероятно, тем, что «естествен» (и доминирует статистически) перевод слова *деревья* как *pōl mi* а *люди* — как *qumit*, что обусловлено спецификой психологического восприятия множества неодушевленных предметов как однородной массы, совокупности, а множества одушевленных предметов — как расчлененной группы.⁵

Вторая часть данной статьи посвящена этимологии нен. О, ОР *mantan*, U-Ts. *mankan* (на стр. 20 ошибочно приведено *maŋkan*, ср. T. Lehtisalo, Jugaksamojedisches Wörterbuch, Helsinki 1956 (LSFU XIII), стр. 247), Lj, S *maŋktan* 'я сам'. П. Хайду показывает, что предложенное И. Н.-Шебештьен сопоставление должно быть отнесено скорее к нен. S, P *māŋk'* Nj. *māŋkaŋ* 'пазуха', производным от которого, возможно, является данное возвратное местоимение (по той же морфосемантической модели, что и *ŋāewap* 'я сам' от *ŋāewa* 'голова', *ŋāeson* 'я сам' от *ŋāesū* 'сустав' и т. п.). К сожалению, тщательно обоснованная (стр. 22—23) этимология П. Хайду не была учтена в изданных позже словарях (MSzFE s. v. *tag*, TESz s. v. *taga*, КЭСК s. v. *мыгөр*), хотя приемлема фонетически (нен. *māŋk* < ур. **muŋkə*) и семантически. Отметим, что помимо нен. *māŋk'* и сельк. (Кастрен) *muŋgát* и т. п., (МЭ: Таз) *muŋkin*, -t 'пазуха' к семье ур. **muŋkə* должны быть отнесены: эн. (МЭ) *tagu*'(δ) 'пазуха, завязка нюков', мат. (Спасский) *могма* 'пазуха', койб. (Спасский) *муџма* 'пазуха' (т. е. *muŋma*, где, как и в маторском слове, -*ma* — посесивный суффикс I-го лица единственного числа).

О нен. *māŋk'* 'пазуха' П. Хайду указывает: «Das Wort ist in Lehtisalos Wör-

⁵ См. также: Е. А. Хелимский, Неопределенное местоимение *tu* в селькупском языке. — Теория и типология местоимений, Москва 1977 (в печати).

⁶ Ненецко-русский словарь (сост. Н. М. Терещенко), Москва 1965, стр. 234.

⁷ Там же, стр. 233, 234.

⁸ Ненецко-русский словарь (сост. Н. М. Терещенко), Москва 1965, стр. 226.

⁹ Первая публикация: P. Hajdú, A nemeck megkülönböztetése a nyenyec névadásban. — NyK 72 1970, стр. 45—57.

terbuch nur aus den waldnenzischen Mundarten belegt, und obwohl das nicht zwangsläufig zu der Schlussfolgerung führt, dass es im Tundranenzischen nicht vorhanden sein könnte, kann dies jedoch praktisch angenommen werden, da ich für dieses Wort in den Tundradialekten aus keiner Quelle Angaben kenne. Im tundranenzischen ist das Wort vermutlich durch eine gleiche Laufform mit der Bedeutung «Seitenschnur der Zeltdecke» verdrängt worden und somit in Vergessenheit geraten» (стр. 22). Однако данные словаря Н. М. Терещенко, вышедшего позднее первой публикации статьи, позволяют утверждать, что имела место не конкуренция омонимов, а семантическая деривация. Нет сомнения, что тундр. *maŋg*'(δ) 'короткий ремень, завязка (служит для крепления меховых или берестяных покрышек чума); вертикальные полосы до того места, где идут завязки на передней части верхней женской меховой одежды'⁶ в первом значении есть результат ассоциативного переноса 'пазуха, т. е. место, где запахируется одежда' → 'место, где запахируется покрышка чума', а во втором значении — результат семантического развития 'пазуха' → 'полосы возле пазухи'. Кроме того, тундровому диалекту известны и отыменные глаголы *maŋgällic*, *maŋgelle*(св) 'положить за пазуху'.⁷

Предположение о связи нен. *māŋk* 'пазуха' с возвратным местоимением возможно лишь при ориентации на фонетический облик последнего в лесном диалекте: *maŋktan*. При этом остается необъясненным количественное различие гласных *ā* и *a*, а также отсутствие *k* в тундр. *mantan*, ср., по данным Н. М. Терещенко: *mānat* 'сам лично', *мань māntan* 'я сам лично', *пыдар māntand* 'ты сам лично', *пыда māntanda* 'он сам лично'.⁸ Эти сложности устраняются при допущении иной этимологической связи — а именно, с нен. О, Sj., S *man*' 'Knäuel, Klumpen, Kloss', О, Sj. *mandāl* 'Bündel, Schwarm, Rudel, Knäuel', S, Kıs., Nj. *mantāl*. Семантическое соотношение 'я в совокупности, я целиком' — 'я сам' представляется вполне естественным.

В статье «Die Unterscheidung der Geschlechter in der nenizischen Namengebung»⁹ от сжатого, но очень информативного экскурса в интересную область ненецкой антропонимики П. Хайду перехо-

дит к вопросам морфонологии и этимологии форманта $-j'|-r'|-j'r'$, служащего для образования от родовых и этнических наименований названий женщин — представительниц данного рода или этноса: $\chi\ddot{u}de'$ — $\chi\ddot{u}dej'$, $\eta\ddot{a}se\ddot{d}a$ — $\eta\ddot{a}se\ddot{d}i'$ и т. д. Отметим, что подобный формант известен и энецкому языку, о чем см.: Бытовые рассказы энцев (запись и составление Б. О. Долгих), Москва 1962 (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т. LXXV), стр. 232—235. Ставя под сомнение точку зрения Н. М. Терещенко, согласно которой эти имена по своей форме представляют собой генитивы отыменных прилагательных, П. Хайду объясняет рассматриваемый формант как окончание ласкательной или звательной формы, а сами названия женщин — как первоначальные обращения: в условиях табуистического запрета на употребление женских имен, в значительной степени сохранившегося до наших дней¹⁰, обращением к замужней женщине служило название рода, из которого она была взята.

В статьях, составляющих вторую половину сборника, получает широкое развитие намечающаяся и в первых двух статьях тенденция к привлечению типологических параллелей с целью углубления анализа самодийского материала. Здесь П. Хайду обращается к проблеме установления характерных особенностей всего евразийского языкового союза (охватывающего, помимо уральских, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, нивхский, енисейские, юкагирский, чукотско-камчатские и эскимосско-алеутские языки) — проблеме, занимающей важное место в проводимых им в последнее время исследованиях.¹¹

Одной из таких особенностей, как показывает П. Хайду в статье «The copulative-reciprocal suffix in the Samoyed languages»¹², является выражение совместности с помощью *possessionis* или собирательного суффикса (а также, возможно, числовых суффиксов). Этот способ принципиально отличен от способа выражения совместности посредством сочинительного союза или предлога со значением соединения. Автор вновь обращается к неоднократно рассматривавшейся этимологами семье уральских суффиксов, для которых он предлагает использовать термин «соединительно-взаимные

деривационные суффиксы» (connective-reciprocal derivational suffixes): манс. $-n\ddot{s}$ в $p\ddot{o}w\ddot{a}n\ddot{s}\ddot{a}r$ 'отец и сын', $p\ddot{o}w\ddot{a}n\ddot{s}t$ 'отец с сыновьями', хант. $-s\ddot{a}$, саамк $-n\ddot{s}$ в $k\ddot{u}je\ddot{n}\ddot{s}$ 'супруги', эст. диал. вод. $-tse$, а также нен. $-s$ в $n\ddot{a}s$ 'друзья', $n\ddot{a}s\chi\ddot{a}$ 'два друга', сельк. $-s$ в $\ddot{a}m\ddot{a}s\ddot{i}t$ 'мать с детьми', кам. $kag\ddot{a}ze|gej$ 'два брата'. К этому перечню можно добавить неизвестный ранее энецкий суффикс с аналогичным значением: эн. (МЭ) $-so-$ в $\ddot{d}exoxoxo'$ 'близнецы', $esesc'$ 'отец с детьми'. П. Хайду делает ряд замечаний по поводу этимологически связанных с рассматриваемым суффиксом деривационных морфем в самодийских языках (к их числу, как предполагает автор, можно отнести $-s-$ в составе показателей прилагательных обладания — нен. $-sawaj$, сельк. $-s\ddot{i}m\ddot{i}l$ и др.), а также касательно уральской праформы суффикса, которую он предлагает реконструировать в двух вариантах — $*\eta\ddot{V}\acute{c}$ и $*\acute{c}$, отвергая реконструкцию $*\acute{h}\acute{c}$ (Ю. Х. Тойвонен).

Сходные в формальном и смысловом отношении собирательно-множественные и соединительно-взаимные формы П. Хайду указывает для ряда языков Евразии (в первую очередь — тунгусо-маньчжурских). К сожалению, от внимания автора ускользнули в высшей степени интересные тувинские факты. В тувинском языке имеется аффикс $-шкы$ ($-шкы|лар$), $-лышкы$ ($-лышкы|лар$), с помощью которого «от обычных терминов родства и свойства образуются собирательные имена существительные со значением 'группа людей (членов семьи), объединенных данной степенью родства или свойства'. Примеры: $авалышкылар|авашкылар$ 'мать со своими детьми' от $ава$ 'мать'.¹³ Суффикс $-шкы$, по-видимому, не имеет функ-

¹⁰ Л. В. Хомич, Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев, Ленинград 1976, стр. 117—118.

¹¹ См., в частности: P. Hajdú, Uralistik und areale Sprachforschung. — CIFU III, стр. 93—96.

¹² Первая публикация: P. Hajdú, A szamojéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai összefüggései. — NyK 71 1969, стр. 61—68.

¹³ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбаха, Грамматика тувинского языка (фонетика и морфология), Москва 1961, стр. 171.

циональных и этимологических параллелей в других тюркских языках (устное сообщение Э. Р. Тенишева). Учитывая его полное сходство по значению с самодийским суффиксом *-s-*, можно предположить, что тув. *-шыкы* — заимствование, источник которого — один из субстратных для тувинского саяно-самодийских диалектов (маторский, тайгийский или карагасский). Хотя в дошедших словарных записях по этим, ныне исчезнувшим диалектам интересующие нас формы не встречаются, вполне допустимо предположить, что соединительно-взаимная форма для двойственного числа имела в них окончание *-skV* или *-škV* (ср. нен. *-sxa'*, сельк. *-sqā*). При заимствовании в тувинский язык (где двойственного числа нет) этот аффиксальный комплекс мог быть воспринят как единый аффикс, поскольку, как свидетельствуют данные других самодийских языков, употребление в сочетании с показателем двойственного числа доминирует над всеми прочими употреблениями суффикса *-s-*; прибавление к нему тюркского показателя множественности *-лар* факультативно, как и вставка между основой и *-шыкы* аффикса *-лы-* (ср. показатель прилагательных *-лыг*).

В последней статье «Névszók predikatív ragozásá a szamojéd nyelvekben»¹⁴ подвергнута критике довольно распространенная точка зрения, согласно которой в уральских языках некогда доминировала и отчасти сохранилась до сих пор такая языковая структура, в которой не было оппозиции имен и глаголов, а существовал обширный разряд имени-глагола (попеп-verbum). Основными аргументами сторонников этой концепции являются наличие в ряде языков не различных по внешнему облику однокоренных существительных и глаголов (типа венг. *fagy* 'мороз' и 'морозит; замерзает'), а также существование предикативного склонения (т. е. спряжения) имен (в частности, в самодийских языках: нен. *χasawaqdm* 'я мужчина', *χasawaqn* 'ты мужчина', ср. *χantaqdm* 'пойду', *χantaqn* 'пойдешь'). Что

касается первого аргумента, то П. Хайду (вслед за Д. Лазициушем) отмечает неотжественность морфемного состава в парах слов, претендующих на зачисление в имена-глаголы: в существительном *fagy* присутствует нулевое окончание как показатель номинатива единственного числа, в глаголе оно служит показателем 1-го лица единственного числа настоящего времени. Что же касается самодийских форм, то автор убедительно демонстрирует существенные отличия предикативного склонения имен от спряжения глаголов: первому, в отличие от второго, не свойственны залоговые, видовые, часто и временные формы, формы наклонений; от имен не образуются причастия, деепричастия, названия действий; не вполне одинакова и морфонология образования лично-числовых форм. В этой связи можно сослаться на наши данные о предикативном склонении имен в тазовском диалекте селькупского языка (несколько отличные от данных Г. Н. Прокофьева), свидетельствующие об отчетливой формальной дифференциации от глагольного спряжения:

Предикативное склонение существительного глагола

	Прокофьев ¹⁵	МЭ	МЭ
<i>īja</i> 'ребенок, сын'		<i>iligo</i> 'жить'	
1 л. ед. ч.	<i>ījak</i>	<i>ījaŋək</i>	<i>ilak</i>
2 л. ед. ч.	<i>ījanti</i>	<i>ījaŋənti</i>	<i>ilanti</i>
3 л. ед. ч.	<i>īja</i>	<i>īja</i>	<i>ila</i>
1 л. дв. ч.	<i>ījamij</i>	<i>ījaŋmī</i>	<i>ilī</i>
2 л. дв. ч.	<i>ījalij</i>	<i>ījaŋlī</i>	<i>ililī</i>
3 л. дв. ч.	<i>ījāqī</i>	<i>ījāqī</i>	<i>ilōqī</i>
1 л. мн. ч.	<i>ījamit</i>	<i>ījaŋmit</i>	<i>ilimit</i>
2 л. мн. ч.	<i>ījalit</i>	<i>ījaŋlit</i>	<i>ililit</i>
3 л. мн. ч.	<i>ījat</i>	<i>ījat</i>	<i>ilōit</i>

Присоединение к именам предикативных формантов, указывает автор, в самодийских языках является не следствием отсутствия или размытости границы между именем и глаголом, а проявлением особой морфосинтаксической черты — вербализации имени в позиции предиката. Эта черта также является одной из характеристик евразийского языкового союза, о чем свидетельствует привлеченный в статье материал кетского, юкагирского, чукотского, эскимосского, эвенкийского, бурятского, якутского, азербайджанского и ряда других языков, имеющих предикативное склонение имен.

И в самих статьях* сборника, и в

¹⁴ Первая публикация: A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei 27 1971. Немецкий перевод: Р. Найдю, Prädikative Nominalflexion in den samojedischen Sprachen. — ALHung. 25 1975, стр. 1—30.

¹⁵ Г. Н. Прокофьев, указ. раб., стр. 41.

примечаниях к ним во множестве рассеяны лаконичные, но отличающиеся глубиной анализа заметки по различным вопросам строя и истории самодийских языков, косвенно связанным с рассмотренными автором темами. Таковы, например, этимология самодийского пролатива (стр. 35—36), объяснение фонетических причин ауслаутной эпентезы гортанного смычного в ненецком языке (стр. 66—67), анализ камасинских числовых форм (стр. 85—86) и т. д. В рецензии невозможно даже перечислить все подобные фрагменты, каж-

дый из которых, возможно, заслуживал бы самостоятельного исследования. Эта насыщенность лингвистическим материалом не оставляет места сомнениям в том, что каждый, кто интересуется вопросами описательной и сравнительно-исторической грамматики самодийских языков — и шире, языков уральской семьи и языков Северной Евразии в целом — сможет почерпнуть из рецензируемого сборника немало разнообразных данных и интересных идей.

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1976. 288 стр.

Рецензируемая монография — первое крупное исследование речи ижемских коми, проживающих на северной половине территории Коми АССР, а также в соседних Архангельской и Тюменской областях (Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском национальных округах), а также в Мурманской области. Ижемцы составляют около 20% всего коми населения (стр. 3).

В предисловии излагается краткая история заселения бассейна Ижмы и среднего течения Печоры, а также история изучения ижемского диалекта. Первым исследователем речи ижемцев был М. А. Кастрен, который на фактическом материале этого диалекта написал «Elementa Grammatices Syygjaenae» (Helsingforsiae 1844). А. Г. Шренк в «Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden, zum Arktischen Uralgebirge» II (Dorpat 1854) опубликовал около 900 ижемских слов с переводом на ненецкий и немецкий языки. В XIX—XX вв. изучением говоров ижемского диалекта занимались Ф. И. Видеман, Ю. Вихманн, Т. Утила, В. И. Лыткин (список работ см. на стр. 6 рецензируемого исследования).

Авторы монографии с 1947 г. изучали речь ижемцев, проживающих не только в бассейне Ижмы и Печоры, но и за пределами Коми АССР¹, а также привлекли материалы других авторов,²

Монография состоит из традиционных разделов, посвященных описанию фонетики, морфологии и лексики диалекта. Лексика представлена разделом «Особенности словарного состава» (стр. 116—124), где анализируются корневые и производные от общекоми корней слова, сложные слова и терминологические сочетания, специфические для данного диалекта, а также словарем, охватывающим свыше 4 тыс. слов, отличающихся от форм других диалектов и литературного коми языка фонетически, морфологически и семантически.

Образцы текстов речи коми-ижемцев с переводом на русский язык занимают 40 стр., один из них — «Корасем» ('Сватовство') — оставлен без перевода.

Книга снабжена схематической картой расселения ижемских коми.

Как известно, ижемский диалект относится к нуль-эловым, т. е. в определенных фонетических условиях фонема *l* исчезает за счет удлинения предыдущей гласной, например, *lō < *lol*, но *lolis* 'ду-

¹ М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Некоторые особенности говора кольских коми. — Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар 1960, стр. 130—151.

² Т. И. Жилина, Н. А. Колегова, Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужы и Шурышкар). — Историко-филологический сборник, вып. 6, Сыктывкар 1960, стр. 152—171.